

MEMORIA

И. В. Малахеев

ЛЕГЕНДАРНЫЙ РЕДАКТОР

Есть личности, которые олицетворяют собой этапы развития тех или иных направлений и областей человеческой деятельности. В развитии печати Среднего Урала такой личностью, думается, является Иван Степанович Гагарин — редактор газеты «Уральский рабочий» с 1961 по 1979 г. За время его пребывания у штурвала в то время флагмана региональной печати тираж газеты вырос более чем в три раза: со 170 тыс. до 650 тыс. экземпляров, и уступал тиражам только двух областных газет Советского Союза — «Московской правды» и «Ленинградской правды». Авторитет газеты «Уральский рабочий» был очень высок. Заслуги редактора не остались незамеченными обществом и властью. В 1962 г. он был награжден орденом Трудового Красного Знамени, в 1970 г. — медалью «За доблестный труд. В ознаменование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина», в 1971 г. — вторым орденом Трудового Красного Знамени, в 1975 г. — медалью «30 лет победы в Великой Отечественной войне», в 1977 г. — орденом «Знак Почета». В 2013 г. исполнилось 100 лет со дня рождения И. С. Гагарина.

Биографическая справка

Иван Гагарин родился в крестьянской семье, в селе Долгое Каргапольского района Курганской области, 8 сентября 1913 г. В школе, а затем в учебно-строительном комбинате Златоустстроя Челябинской области его тянуло к журналистскому творчеству, и он стал сотрудничать с газетами. В 1934 г. исполнилась заветная мечта 21-летнего Ивана: он был принят на работу литературным сотрудником в многотиражную газету «За реконструкцию!», а в 1936 г. — в редакцию златоустовской городской газеты «Пролетарская мысль». Армейскую службу проходил корреспондентом газеты «На боевом посту» Забайкальского военного округа.

МАЛАХЕЕВ Иван Васильевич — доцент кафедры периодической печати Института гуманитарных наук и искусств Уральского федерального университета (e-mail: Malaheev_IVAN@mail.ru).

© Малахеев И. В., 2014

После службы в армии Гагарин связывает свою судьбу с городом Ревдой Свердловской области. С 1938 по 1944 г. он работает в редакции газеты «Ревдинский рабочий», сначала корреспондентом промышленно-транспортного отдела, а в конце — редактором. В 1944 г. Гагарин трудится в Ревдинском горкоме КПСС, в 1950 г. его направляют на учебу в Высшую партийную школу при ЦК КПСС, после окончания которой в 1953 г. Свердловский обком партии утверждает его заместителем редактора газеты «Уральский рабочий», а в 1961 г. — редактором.

Творческие корни

К руководству областной газетой И. С. Гагарин был подготовлен основательно. В то время большинство его коллег делали журналистскую карьеру с помощью партийных органов, что и определяло в дальнейшем их приоритеты. Гагарин членом КПСС стал только в апреле 1941 г., за три месяца до утверждения его редактором газеты «Ревдинский рабочий», за пять месяцев до начала Великой Отечественной войны. Он обладал острым и выразительным пером, постоянно писал материалы, и не только в жанре передовой статьи. Сохранилась выписка из трудовой книжки за период его работы заместителем редактора «Уральского рабочего». Здесь много записей о поощрении за качество подготовленных материалов. Большинство поощрений исходили от редактора Евгения Яковлевича Багреева, впоследствии заведующего кафедрой периодической печати факультета журналистики УрГУ. А все знали, чтобы от Багреева заслужить благодарность, надо было блеснуть на всю область.

Реальная жизнь людей волновала Гагарина больше, чем партийные директивы и номенклатурные головоломки. Правда жизни и есть правда партии, какой бы нелицеприятной она ни была, ведь партия, она за все в ответе. Так говорил он! И когда журналистский материал в полной мере и талантливо отображал реальность, то Гагарин смело ставил его в газету даже в случае возражения кого-то из секретарей обкома. Он создавал летопись Среднего Урала [1, 71–76]. Журналистика советского времени, являясь составной частью национальной культуры, несла всю полноту этой культуры в массы. И в этом смысле слова великого академика В. И. Вернадского о том, что история культуры — подлинная история народа, подтверждают место и роль журналистики в созидательном развитии государства. Мне представляется, что Гагарин это прекрасно понимал. И сегодня подшивки газеты, которую он редактировал, это тоже подлинная история региона.

Под началом Гагарина мне довелось поработать шесть лет, я начинал спецкором, затем в качестве члена редколлегии заведовал отделом писем и рабселькоров, возглавлял отдел науки и учебных заведений. Четыре последних года избирался председателем профкома и секретарем парторганизации редакции. Все это дало возможность находиться в центре жизни редакции, общаться с редактором по всем вопросам деятельности коллектива, а также с ветеранами газеты.

Так, ветераны Михаил Полисюк, Геннадий Ляхин, Геннадий Лисин, в частности, рассказывали о том, как ценил газету будущий член Политбюро и секретарь ЦК КПСС Андрей Кириленко, работавший с 1955 по 1962 г. первым секретарем

Свердловского обкома партии. Почти ежемесячно он проходил по кабинетам редакции, интересуясь творческими планами журналистов, бытовыми условиями их жизни.

Продолжительные беседы случались у него с редактором газеты, членом-корреспондентом АН СССР Владимиром Кружковым. Тот, конечно, был чрезвычайно информированным человеком, до отдела пропаганды и агитации он с 1944 по 1949 г. занимал пост директора Института Маркса — Энгельса — Ленина при ЦК ВКП(б), после чего заведовал в ЦК отделом художественной литературы и искусства. Совместная работа с таким человеком для Гагарина была, безусловно, большой школой. Он сменил Кружкова на редакторском посту в 1961 г. А Владимир Семенович вернулся в Москву, где до 1973 г. директорствовал в Институте истории искусств Министерства культуры СССР.

Ставка на талант

По себе, по своему творческому складу Гагарин подбирал кадры. Прежде всего, его интересовал творческий потенциал журналиста, а также то, куда этот потенциал устремлен. Упор делал на молодежь, но ценил преданность газете и ветеранов, например, бессменного заведующего отделом информации Николая Филипповича Кондратова, художника Геннадия Васильевича Ляхина, подготовившего превосходного мастера карикатуры Леонида Черных, и др. Заведующего отделом местных Советов Бориса Воробьева он «вытащил» из областной глубинки, где тот редакторствовал в районной газете. Борис Васильевич обладал редким даром фельетониста, его материалы восхищали как редактора, так и читателей оригинальностью поднятых тем и речевой выразительностью. К этому времени в газету «Правда» был переведен талантливый фельетонист, любимец Гагарина Валентин Прохоров. А без фельетона Иван Степанович не мыслил газеты. Позднее для усиления сатирической составляющей газеты им были приняты в штат прекрасные фельетонисты Валерия Онищенко и Валерий Коршик.

Гагарин, конечно, был коммунистом по убеждению. И свой долг видел в полной отдаче сил делу, которое поручила ему партия. Он, например, никогда не забывал о материале, опубликованном в «Правде» под заголовком «Есть ли промышленность на Урале?». В главной газете страны обзоревались страницы «Уральского рабочего», на которых автор не увидел отражения жизни индустрии «опорного края державы». Поэтому Иван Степанович ревностно следил за освещением работы предприятий металлургии, машиностроения, стройиндустрии. Он значительно усилил отдел промышленности и транспорта кадрами. Пригласил из уралмашевской многотиражки Николая Широкова, ставшего впоследствии заведующим отделом, Владимира Ермолаева, будущего собственного корреспондента «Правды», а также очень способного журналиста Валентина Васильева.

Попасть в штат «Уральского рабочего» было мечтой десятков, если не сотен журналистов. Сделать это по протекции из обкома партии при Гагарине было вообще невозможно. Наоборот, он мог принять кадровое решение вопреки мнению руководства обкома. Так, из газеты «Вечерний Свердловск» он взял Георгия Краснова, который Свердловским обкомом партии был снят с должности главного

редактора журнала «Урал» за публикацию статьи об адмирале Колчаке как о высоко эрудированном, талантливом человеке. И после ухода в журнал «Уральский следопыт» Анатолия Полякова секретариат возглавил опытный и авторитетный в писательской среде публицист, прекрасный организатор газетного процесса и большой души человек. С его назначением секретариат газеты, который составляли такие талантливые люди, как Леонид Маковкин, Геннадий Шеваров, Александр Лосев, стал еще и своеобразным отделом публицистики, который нередко поставлял «гвоздевые» материалы в номера издания.

Из «Тагильского рабочего» Гагарин «вытащил» даровитых журналистов — заведующую строительным отделом Терезу Гржебинскую, заместителя редактора Арнольда Уряшева, который после Гагарина возглавил «Уральский рабочий»; из «Вечернего Свердловска» — будущего своего заместителя Семена Корепанова, будущего собкора «Советской России» Анатолия Усольцева, из «На смену!» — публициста Бориса Тимофеева, будущего заместителя редактора Сергея Парфенова. Школу «Уральского рабочего» тех лет прошли такие известные журналисты, как Феликс Овчаренко, Станислав Мешавкин, Игорь Бродский, Валентин Петров, Юрий Борисихин, Виктор Хлыстун и др.

Присматривался Гагарин и к студентам журфака, проходившим практику в газете. В 1967 г. пригласил на корреспондентскую работу двух выпускников — Анатолия Золина и Владимира Денисова, впоследствии прекрасно проявивших себя в центральной печати. Когда в редакции освободилось место спортивного корреспондента, Золин и Денисов порекомендовали Гагарину своего однокурсника Юрия Боженко, к тому времени работавшего в Перми. Иван Степанович запросил материалы Боженко, они ему понравились. С той поры фамилия «Боженко» чуть ли не на полвека прописалась на страницах «Уральского рабочего». По итогам преддипломной практики в штат были приняты такие даровитые журналисты, как Владимир Долматов, впоследствии — главный редактор журнала «Родина», Сергей Кожеуров, главный редактор, а затем генеральный директор «Новой газеты», Николай Сенчев, будущий собкор «Правды», и др.

У Гагарина был «нюх» на талантливых и порядочных людей, он крайне редко ошибался в выборе.

В середине 70-х гг. в отдел промышленности и транспорта были приняты Иван Бурко и Сергей Рябов (будущий собственный корреспондент «Правды»). Первого взяли из многотиражной газеты «Резинщик», а второго — из родного для Гагарина «Ревдинского рабочего».

Редактор приходил на работу раньше: то на час, то на полчаса. Однажды он шел к своему кабинету вслед за И. Бурко, от подошв альпинистских ботинок которого на полу оставались грязные отметины. После утренней планерки шеф оставил у себя заведующего Н. Широкова, расспросил о Бурко, о Рябове. Узнав, что первый живет в бараке завода РТИ, по грязи ведет сына в детсад, потом так же по бездорожью добирается до трамвайной остановки, посочувствовал: «Вижу по публикациям, что Бурко — рабочая косточка, хорошо знает производство, людей труда. Рябов тоже, думаю, пришелся нам ко двору... Из Ревды не наездишься...»

Выслушав эти слова, знающий натуру редактора Николай Петрович, придя в свой отдел, уже предвосхищал новоселья своих новобранцев.

В 70–80-е гг. в отделе пропаганды и агитации ЦК партии все настойчивее утверждалась мысль о необходимости сделать корпус журналистов страны мужским. Гагарин оценивал это намерение скептически. Печать должна говорить с народом голосом самого народа, считал он, а народ — это ведь не одни мужики. При этом делал все, чтобы в газете звучали сильные женские голоса. Например, он ценил работу журналисток Терезы Гржебинской, Валентины Машковой, Юлии Матафоновой, Ады Владимирцевой, Тамары Курашовой, Маргариты Троицкой, Риммы Старковой, Ирины Брытковой, Маргариты Касьяновой, Тамары Шумковой, Тамары Питерских, Тамары Ильиных...

Сотрудники редакции за Гагариным была как за каменной стеной. И талантливому человеку, работающему с высокой самоотдачей, редактор мог простить многое.

Не всем нравилось то, как удерживал Гагарин в своей газете талантливых журналистов. Так, заведующего отделом сельского хозяйства Владимира Удачина он несколько лет не отпускал в газету «Советская Россия». Владимир Яковлевич и сотрудники его отдела Роберт Рожнев и Владимир Никоненко являлись умелыми организаторами многих ценных начинаний и движений в сельском хозяйстве области, например, в развитии птицеводства, молочного животноводства, свиноводства. А соборовская сеть, охватывавшая всю область, была очень сильной, в нее входили такие известные журналисты, как Юрий Коньшин, Геннадий Удинцев, Григорий Каета, ставший впоследствии редактором газеты, Николай Белогузов, Евгений Новоселов, Юний Горбунов, известный поэт Алексей Чечулин, Борис Кортин, Владимир Кожевятов...

В. Удачин ушел в «Советскую Россию» вопреки редактору, чуть ли не повздорив с ним. Иван Степанович некоторое время это глубоко переживал, пока с моей подачи не остановил свой выбор на редакторе газеты «Березовский рабочий» Иване Романихине, ставшем позднее заместителем редактора газеты «Уральский рабочий». Как говорится, без энтузиазма, с большим скрипом Гагарин отпускал в центральные газеты талантливых журналистов В. Ермолаева, А. Золина, В. Денисова и других своих сотрудников

В гагаринской команде

В промышленно-транспортный отдел «Уральского рабочего» я пришел в середине января 1972 г. До этого три года, после окончания журфака Уральского университета, довольно комфортно работал в газете своего родного города «Березовский рабочий» и не собирался куда-либо уходить. В конце 1971 г. мне несколько раз звонил Анатолий Золин, с которым я был коротко знаком по университету, и чуть ли не в приказном тоне требовал у меня материалы для «Уральского рабочего». «Старик, — кричал он, — у нас в отделе вакансия, ушел Васильев. Напиши для нас несколько материалов. Да быстрее, не ты один на примете. Гагарин не терпит пустых столов».

Послал одну критическую корреспонденцию — опубликовали. «Еще, еще шли!» — кричит в трубку Золин. В течение месяца подготовил еще два материала. Быстро опубликовали. Звонит заведующий отделом Широков, мол, приезжай знакомиться. Приехал, пообщались, рассказал о себе, о семье, о планах, передал

характеристики на себя от горькома парии и редакции «Березовского рабочего». Расстались под обещание, что обо мне будет доложено Гагарину. Через пару дней звонит Широков, сообщает о времени встречи с редактором.

Когда я вошел в гагаринский кабинет, он сидел за столом и что-то писал. За ним на стене в рамке висела репродукция популярной в журналистской среде картины В. Борисова «Ленин читает газету “Правда”». Широков указал на меня рукой и сказал: «Вот, Иван Степанович, Иван Малахеев». «А-а-а, — рассматривая и как бы узнавая меня, приветливо улыбаясь, протянул Гагарин, — ну, присаживайтесь!»

Я рассказал о себе, о работе, о родителях, о том, что недавно вступил в партию и женился, жду ребенка. Гагарин слушал с неподдельным интересом, в хорошем настроении, сопровождал мои ответы кивками, как бы соглашаясь с ними, мол, конечно, я так и думал. В конце встречи, длившейся с четверть часа, сказал: «Мы вас берем специальным корреспондентом промышленно-транспортного отдела. Ваши материалы я читал, они соответствуют уровню нашей газеты. Но не обольщайтесь. Надо превосходить наш уровень, тогда и газета пойдет в рост. С квартирой в Свердловске вопрос решим, а пока поездите из Березовского... До свидания!» — все так же, не вставая со стула, завершил нашу первую встречу Гагарин.

Первый день моей работы выпал на 13 января, ночью температура воздуха опускалась ниже 40 градусов, да и днем было не многим теплее. Широков пришел с утренней планерки и дал каждому сотруднику отдела задания, связанные с досьеами на первую полосу. Поскольку среди прочего в мою задачу входило освещение работы транспорта, поручил оперативно написать сто строк о работе свердловских железнодорожников в нагрянувшие холода.

Детство мое прошло у железной дороги, в двух километрах от тупика, отец работал в железнодорожном цехе Березовского рудника. Поэтому я живо представил обстановку на стальной магистрали в сорокаградусный мороз, позвонил в несколько служб Свердловской железной дороги, взял, как говорится, документальную фактуру и изложил текст под заголовком «В эти морозные дни». Каково же было мое удивление, когда на утренней летучке следующего дня Иван Степанович, окидывая взглядом страницы свежей газеты, задержался на первой полосе и сказал, обращаясь к Широкову: «Хорошо написано о железнодорожниках».

Конечно, я боялся разочаровать редактора, а прежде всего — коллег по отделу и своего заведующего.

После трех месяцев моей работы Н. Широков, вернувшись с дневной планерки, таинственно произнес: «Иди к редактору!» Противоречивые чувства охватили меня.

«Что случилось?» — размышлял я по пути к кабинету главного. Когда вошел — увидел его в обычной позе читающего или пишущего человека. Он просматривал тексты на полосах завтрашнего номера газеты.

«А-а-а! Малахеев, — протянул он, как и при первой встрече. — Надоело, наверное, ездить в Свердловск из Березовского? Сколько времени теряете на дорогу?» Я ответил, что в общей сложности около трех часов. Спросил, как уживаемся с женой и маленьким ребенком в одной комнате с родителями. Потом поинтересовался

темами предстоящих выступлений, рубриками, которые веду в газете. Все это заняло минут, наверное, пять. Вдруг он вынул из грудного кармана расстегнутого пиджака бумажку и протянул мне: «Вот вам ордер на двухкомнатную квартиру в новом строящемся микрорайоне. Поезжайте, посмотрите и заселяйтесь!»

Из кабинета я вылетел, не веря своему счастью. Как чудо восприняли это событие и мои родители и жена. А меня распирало чувство гордости за принадлежность к газете «Уральский рабочий», за то, что меня ценит сам Гагарин. Я воспринимал все, что мне давала редакция, как аванс, который следует отработать.

Чтобы работе на полную катушку журналистам ничего не мешало, Гагарин лично решал их жилищные проблемы, своим заместителям вменял в обязанность обеспечивать детей сотрудников местами в детских комбинатах и т. д. Если все квартиры, которые Иван Степанович «выбил» для редакции, свести под одну крышу, то получился бы примерно сорокаквартирный дом.

Каждый номер — с изюминкой

Коллектив «Уральского рабочего» работал очень слаженно. Каждый сотрудник, начиная с курьера и заканчивая редактором, знал свои обязанности и права. Ежедневные планы журналистов сводились в планы отделов, которые ответственный секретарь объединял в редакционный недельный план. Все редакционное тематическое планирование увязывалось с географией материалов. На стене в кабинете ответственного секретаря висел график, в котором отслеживалась география материалов сотрудников отделов и редакции в целом. Это в наши дни, когда большинство СМИ позиционируют себя как информационный товар, география материалов мало кого интересует, а Гагарин требовал, чтобы газета не только тематически отражала многогранную жизнь области, но и географически отражала регион. Эта особенность советской журналистики отмечалась раньше [2, 18–27].

Недельное планирование базировалось на квартальном редакционном плане и из него вытекало. Квартальный план редакции верстался из квартальных планов каждого сотрудника и каждого отдела. Исполнение планов на всех уровнях проверялось довольно щепетильно. Перед каждым новым годом в отделах редакции, на летучках обсуждались перспективные планы, свежие рубрики, в секретариате рассматривали варианты более привлекательного оформления газеты. Как правило, производилось анкетирование, опрос читателей на тему, какой бы они хотели видеть газету завтра. Свои предложения по улучшению содержания и оформления издания обязательно вносили соборы, которые хорошо знали нужды читателей.

Работа творческого сотрудника оценивалась, прежде всего, с позиций его участия в организационно-массовых кампаниях по выполнению задач социально-экономического развития Среднего Урала. Почти каждый журналист так называемых отраслевых отделов вел по две-три такие кампании, по несколько рубрик, под которыми системно и всесторонне отображалась работа парторганов, местных Советов, трудовых или учебных коллективов по выполнению государственных заданий. Например, корреспонденты отдела промышленности и транспорта вели кампании с говорящими рубриками: «Реконструкция — путь эффективный», «Оборудованию — полную загрузку», «Проектные мощности — в срок»,

«Больше товаров — хороших и разных» и др. Сотрудники отдела строительства и леса курировали важнейшие стройки области, ввод в эксплуатацию новых цехов и заводов. Не случайно именем «Уральского рабочего» были названы многие новые объекты, например, клеть 1300 широкополочного стана Нижнетагильского металлургического комбината.

Вообще, организаторская роль «Уральского рабочего» в подъеме экономики и культуры велика и мало оценена, хотя именно мастерством такой работы и массовым участием газетчиков в экономических преобразованиях края уральская журналистика заслужила себе славу в СССР. И это стало ее отличительной чертой. Об этом я писал ранее подробно [3, 12–25].

Своеобразием отличалась и композиционно-графическая модель издания, она предполагала наличие на странице 7–8 текстов. При этом примерно половине их представляли информации, размещаемые на внешних колонках полос. На каждой полосе, по мнению редактора, должен быть материал, «который прочтут все». Точно так же должен быть «гвоздь» номера. По четвергам газета, как правило, выходила со сменными страницами, т. е. готовились две самостоятельные вторые полосы, одна из которых адресовалась читателям промышленных центров, а вторая — сельских районов. Или в ином варианте: одна полоса адресовалась читателям Свердловска, а вторая — областным.

Иван Степанович являлся в секретариат на дневную планерку в различном расположении духа. Его настроение, как было замечено, почти всегда зависело от качества материалов завтрашнего номера. Если был доволен содержанием издания, то, оглядывая висевшие за спиной «ответсека» оттиски полос, непроизвольно потирал руки. Традиционно спрашивал дежурного редактора о том, как идет номер. Затем просил сотрудника секретариата доложить о содержании канунного номера. Если содержание завтрашнего номера его не удовлетворяло, он, присев к столу ответственного секретаря, выяснял, почему сформировался такой «легковесный» номер. «Такие материалы сдали заведующие отделами», — это объяснение редактор принять не мог. Он поочередно направлял свой взор на заведующих отделами, сидевших по периметру кабинета. После чего сразу появлялись предложения по усилению номера. Иногда его не удовлетворяла иллюстрация. В редакции трудились в разное время такие известные фотокорреспонденты, как Владислав Ветлугин, Олег Капорейко, ветеран войны Михаил Просвирнин, Юрий Подкидышев, Алексей Нагибин, Юрий Райдугин, и редактор хотел, чтобы их потенциал использовался в полной мере. «“Слепая” страница, — порой бросал он взгляд на неудачно сверстанную полосу, — снимите нижний текст, поставьте две-три фотографии».

Ему нравились фотоочерки, которые публиковались с переходом со страницы на страницу, фоторепортажи и фотопортреты и графические работы художников, раскрывающие красоту труда и человека-труженика.

Всячески поддерживал Гагарин участие в газете мастеров карикатуры, шаржа. Случалось, в редакцию приходили с новыми песнями уральские композиторы, чаще других — Евгений Родыгин. Они исполняли свои произведения, и многие песни получали известность благодаря «Уральскому рабочему».

Каждый номер газеты должен содержать какую-либо изюминку, не должно быть «холостых выстрелов» — такому правилу следовала редакция.

Редакционный конвейер

В гагаринской редакции поражала четкая организация производства газеты. В 9 часов начиналась летучка членов редколлегии, заведующих отделами, связанная с обсуждением предложений новостей и тем на внешний разворот газеты. К 11 часам в отделы поступали оттиски материалов внутреннего разворота «завтрашнего» номера. В 13 часов происходила дневная планерка в кабинете ответственного секретаря, здесь окончательно утверждались «досылки» на внешние страницы и рассматривались полосы внутреннего разворота. Оттиски полос крепились на специальной рейке и были доступны всем в редакции. Одновременно дежурный по секретариату докладывал содержание материалов внутреннего разворота канунного номера, держа перед собой готовые макеты второй и третьей полос. В 14 часов к дежурству заступала «свежая голова» из числа корреспондентов и литературных сотрудников (дежурили по утвержденному графику), задачей которой было внимательное чтение материалов газеты, готовящейся к выпуску. К этому же времени к работе приступал ревизионный корректор, который свежим взглядом вслед за утренними корректорами читал уже выправленные, окончательно откорректированные тексты. По графику, как правило, уже вечером дежурный редактор, убедившись в том, что все ошибки выправлены, поочередно подписывал газетные полосы «в печать», и они уходили на матрицирование, а потом и на стереотипирование. Последней «в печать», как правило, подписывалась первая или четвертая полосы, которые несли самую свежую информацию.

Руководство издательства настаивало на том, чтобы «Уральский рабочий» печатался раньше центральных газет, доставляемых тогда в матрицах самолетами, объясняя свою настойчивость тем, что огромный тираж «Уральского рабочего» приходится печатать ночью вместе с центральными изданиями. Но Гагарин стоял на том, чтобы газету печатали последней, т. е. после всех центральных и местных газет. Это давало возможность ставить в номер самые свежие новости. Последняя, по очередности, полоса могла быть подписана в 22 часа, а номер «в свет» — часом позже. Членов дежурной бригады в три захода развозила по домам редакционная машина.

При любом сбое можно было сразу обнаружить причину и виновника. Приятно удивляло то, что в редакции была солидная библиотека (более 20 тыс. томов, большой справочный отдел), кроме того, каждый сотрудник редакции имел возможность подать заявку на подписку 3–4 изданий по своему профилю и интересу. И получать эти издания на рабочем месте.

Спустя годы, когда сам стал редактором «Уральского рабочего», этот опыт организации выпуска газеты я положил в основу технологического паспорта производства издания. В нем поминутно был расписан процесс работы над газетой — с указанием ответственных служб и должностей на каждом «переделе» производства «Уральского рабочего».

Мастер фитиля

Вот несколько примечательных случаев гагаринских подвигов. Как известно, в 1964 г. был введен в строй первый энергоблок, а в 1967 г. — второй реактор на тепловых нейтронах Белоярской атомной электростанции им. И. В. Курчатова. Увидеть чудо техники стало мечтой многочисленных специалистов и друзей Советского Союза из стран социалистического лагеря. Москва стала давать «добро» на такие посещения. Делегации гостей следовали одна за другой. Для надлежащего приема и потчевания делегаций Белоярский райком партии открыл в банке специальный счет, куда руководители местных предприятий и организаций перечисляли некоторые суммы, что предопределяло их личное участие в застольях по случаю приема очередной делегации. Так происходило «спаивание» районного партийно-хозяйственного актива. Понятно, что об этой практике знало все областное руководство, более того, многие члены бюро обкома и облисполкома сами выпивали и закусывали в компании руководящих белоярцев и их гостей. И. С. Гагарин публикует фельетон своего любимца Валентина Прохорова под заголовком «Коньяк белоярского разлива».

Казалось, это сродни самоубийству. Иван Степанович, вспоминая те времена, в жестах рассказывал мне о последствиях этой публикации.

Когда он пришел в обком, то старые знакомые, включая секретарей, заведующих отделами, старались его не замечать, отводили глаза как от предателя. Один из заведующих, с кем Гагарин иногда выезжал на любимую зимнюю рыбалку, зазвал к себе в кабинет со словами: «Что ты наделал Иван Степанович? Ведь это твоя отставка. Все поражены, возмущены публикацией. Сам-то что не сопровождал гостей? Не знаешь, с чем это связано, чем заканчивается?» Да, Иван Степанович не сопровождал, но если бы и довелось, в застолье не участвовал. Это было его редакторское правило — никому ни на какой крючок не попадаться, никому ничем не быть обязанным!

— И вот бюро обкома партии, — вспоминал Гагарин, — обычно здоровавшиеся за руку, одни члены бюро сухо кивали, другие отворачивались. Чувства и мысли были тревожными.

Докладчик первый секретарь райкома начал акцентировать внимание членов бюро на том, что факт, отображенный в газете, всем им известен, что открытие счета — мера вынужденная и, конечно же, бескорыстная. В конце он обратился к первому секретарю Николаеву: «Константин Кузьмич, надо ли мне все это здесь объяснять, ведь, кажется, все у нас были, даже вам приходилось заниматься с гостями станции?» Члены бюро и приглашенные понимающе кивнули. Взоры заседателей устремились к центру президиума. Настал момент истины.

Николаев — человек с массой в полтора центнера, почти двухметрового роста — побагровел, помедлил с ответным словом и вдруг мощно ударил пудовым кулаком по столу:

— Вы хотите сказать, что я угощался у вас задарма? Костя, — обратился он к заведующему общим отделом обкома Сотникову, — ты, надеюсь, аккуратно расплачиваешься за первого секретаря?

— Все и всегда — до копейки, Константин Кузьмич! — вскочив со стула, отрубил «Малой Константин», будто ждал от шефа этого вопроса. В скобках следует заметить, что для первых секретарей обкомов и крайкомов предусматривались представительские расходы.

В ходе заседания бюро произошел перелом, Николаев признал выступление газеты своевременным и по-партийному принципиальным. Одним словом, районные руководители были наказаны, первый секретарь райкома даже снят с должности, злополучный банковский счет закрыт, Гагарин вздохнул с облегчением.

После заседания бюро, усмехался Иван Степанович, те, кто пару часов назад не здоровались, не подавали руку, подходили, обнимали, благодарили и поздравляли.

Другой случай. Как-то редактор пришел на дневную планерку необычно взволнованный, спросил у Бориса Воробьева, в каком состоянии фельетон о директоре одного совхоза. «Готов!» — был ответ.

— Принесите мне, я по нему пробежусь, поставим досылком в завтрашний номер! — сказав это, Иван Степанович объяснил редколлегии спешку с публикацией. Оказалось, перед планеркой звонил ему секретарь обкома по сельскому хозяйству, мол, ваш корреспондент что-то копал под директора такого-то передового совхоза, на которого ушли в Москву представительные документы на орден Ленина, дескать, узнав о возможной критической публикации, первый секретарь обкома попросил передать редактору, чтобы он не допустил выхода материала.

Фельетон о директоре, который наживался за счет продажи автомобилей, выделяемых совхозу по фондам, появился на следующий день. Ордена Ленина «передовой» руководитель не дождался.

Какая была реакция на публикацию в обкоме, можно только догадываться.

Особое отношение у Гагарина было к освещению проблематики Нижнего Тагила. «Тагилка», как любовно называли читатели свою газету, была очень уважаемой и популярной в городе, тираж ее достигал 100 тыс. экземпляров, она приходила почти в каждую семью. А подписной тираж «Уральского рабочего» в Нижнем Тагиле не превышал 15 тыс. экземпляров. Гагарина эта статистика весьма напрягала. Зная, что городская газета «ходит» под местной властью и настроение ей портить не будет, Иван Степанович настраивал своего собкора по Тагилу, тех, кто ехал туда в командировку, на проблемные темы и такие критические выступления, на какие местная газета не решится. Так он надеялся поднять популярность и авторитет своей газеты в Тагиле.

Дошло до того, что он решился вставить фитиль властям города металлургов в самый неподходящий для них момент. Придержал фельетон о злоупотреблениях в распределении жилья в Нижнем Тагиле до дня открытия городской партийной отчетно-выборной конференции, причем зная наверняка об участии в ней первых лиц региона. После Гагарин признавался, что имел неприятности в обкоме не столько из-за самого фельетона, сколько из-за момента его публикации, из-за того, что «важнейшее для областной парторганизации мероприятие превратилось в обсуждение газетной публикации».

Нашли повод...

Ершистость Гагарина раздражала многих областных руководителей. Нужен был повод, чтобы его одернуть. И этот повод однажды в результате своей щепетильности в оценке фактов дал он сам. Одно лето в середине 70-х гг. оказалось крайне засушливым, производственные и трудовые коллективы городов и районов были мобилизованы на заготовку кормов для животноводства, даже школьников подключили к заготовке корма. В этих экстремальных условиях бюро обкома партии и облизполком решили дать своим городским и районным органам задания по заготовке сена в Гаринском районе, на полуострове, помнится, Лумпас.

В это время фельетонист «Уральского рабочего» Валерий Коршик принес Ивану Степановичу фельетон под заголовком «“Косари” на сенокосе». В тексте, построенном на материалах следствия, говорилось о том, как безобразно, с нарушением законности организовано сенокосное дело с выездом на Лумпас в Пригородном районе. При этом в качестве премиальных косцам поставляли ящиками водку. Гагарин готов был немедля опубликовать фельетон, но его смутил факт о том, что погрузкой ящиков со спиртным на борт вертолета занимался первый секретарь райкома партии.

Он не мог этому поверить и просил автора разобраться лично.

Валерий Коршик был тоже ершистым. Он рассказал о разговоре с Гагариным собкору «Правды» Вадиму Данилову, который, прочитав текст, предложил автору отправить фельетон в свою редакцию.

Фельетон в «Правде» обком партии воспринял с болью и негодованием: мы тут из кожи лезем, чтобы спасти животноводство, а нам — оплеуха. Выяснилось, что автор фельетона — сотрудник «Уральского рабочего», что Гагарин читал материал и, значит, «дал добро» на печатание в главной газете страны. Такая «слава» была областной власти горше редьки. Тем более что из ЦК прибыла специальная комиссия, которая рассмотрела всю историю с выкашиванием Лумпаса. Оказалось, что злоупотребления властью касались не только одного района, а сено за малым исключением с полуострова так и не было вывезено и в основном сгнило. Понятно, что в этом контексте факт, связанный с установлением личности погрузчика спиртного, значения не имел.

Бюро обкома было вынуждено самым серьезным образом реагировать на фельетон и сообщить «Правде» о принятых мерах. Среди этих мер было и партийное замечание, объявленное редактору Гагарину за неправильное отношение к критическому материалу своего сотрудника, по существу за то, что не опубликовал фельетон. Гагарин, улыбаясь, похмыкивал над этим решением, так как прекрасно понимал, что его ожидало, опубликуй он этот фельетон в своей газете.

* * *

В журналистском сообществе есть мнение о том, что с приходом в обком партии молодых секретарей давление на СМИ усилилось. В обкоме была написана своего рода инструкция, в какой очередности и с указанием каких должностей, регалий публиковать руководящий состав. Так, возглавлять перечень должен был Б. Н. Ельцин — первый секретарь, член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета

СССР. Вторым в списке следовало размещать А. А. Мехренцева, но без указаний на то, что он Герой Социалистического Труда и депутат Верховного Совета СССР, а просто — председатель облисполкома. В исключительных случаях разрешалось «приписывать» к Мехренцеву его «верховное депутатство».

Мудрый и ловкий Гагарин все время вставлял в газете шпильки, свои изблюбленные фитили и казался молодым областным вождям человеком неуправляемым. По достижении пенсионного возраста ему стали «намекать» о полезности заслуженного отдыха. И в возрасте 64 лет в 1979 г. его вынудили уйти. А с его уходом подломили и его детище — «Уральский рабочий».

В последние годы жизни Ивана Степановича, а умер он семидесятилетним, во власть приходило немало популистов, самолюбивых партократов-карьеристов, которые позднее стали могильщиками и партии, и государства СССР. Такие, как Гагарин, стояли у них на пути.

1. *Малахеев И. В.* Быть летописцем современности // Изв. Урал. федер. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2012. № 2 (101). С. 71–76.

2. *Малахеев И. В.* «Слово свое не считая товаром...» // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры. 2011. № 2 (89). С. 18–27.

3. *Малахеев И. В.* Уральская школа журналистики: миф или реальность? // Изв. Урал. гос. ун-та. 2006. № 40. С. 12–25. (Сер. 1 : Проблемы образования, науки и культуры; вып. 19.).